

Нурлан АБДЫКАДЫРОВ, Назик АБДЫКАДЫРОВА

ВСЕЛЕННАЯ ДУХОВ

Киноповесть (журнальный вариант)

Окончание. Начало в № 3–5.

Палгун, со злым, болезненным лицом, двигался заторможенно, пошатываясь из стороны в сторону. С трудом он вымолвил:

– Можем дальше не плыть, там они распугали, убили всех зверей. Хозяин моря отличает их от нас. Не надо идти за ними, быть возле них. Нам не достанется расплата за них, – Палгун осторожно посмотрел на старика, который обернулся к нему и, не ответив, повернулся к морю, откуда налетали порывы ветра. В море он заметил одинокого тюленя, что, высунув голову из воды, издали наблюдал за охотниками на берегу.

По обратной стороне островка вдоль скал шел Чалун. Позади, на расстоянии, осматривая остров, шел Инаукун. Заметив между камней три яйца, мальчик присел к кладке, опустил руку над яйцами, пытаясь понять, исходят ли от них тепло. Осторожно взяв одно из них, поднес к уху и прислушался к реакциям изнутри. Убедившись, что они остыли, он взял их с собой и отправился за отцом.

Чалун заметил брошенную на берегу пустую лодку. Только подойдя ближе, он смог увидеть ее плачевное состояние. Лодка была старая и без весел. Дно, стены были обильно залиты где спекшейся кровью, а во многих местах и недавней. Столкнув лодку в воду, Чалун пошел к скалам, возле которых среди камней бродил Инаукун. Вдруг он остановился, глядя на море, откуда слышались голоса кричащих детей. Тут же осознал: выпитая вода заставляет и его бредить, как и брата Палгуна. Он подошел к сыну и, притянув его к себе, вдоль берега отправился к своей лодке.

Глядя на заходящее солнце, они подошли к старейшине и Палгуну, искавшим место для ночевки. Прячась от ветра и ожидаемого дождя, охотники перенесли вещи и весла к скалам и разместились под нависавшей каменной стеной. Уставшие и голодные, они присели под ее уступом; лица у всех были утрюмые, и сами они походили на пораженных болезнью стариков. Мучаясь от боли в желудках, разраставшейся болезни, активно распространявшейся по всему нутру, они понимали, что каждый из них скрывает свою боль. Охотники молчали, старались не смотреть друг на друга.

Инаукун протянул старику Койвуну три яйца, что нашел у скал, хотел угостить их чистыми продуктами:

– Я нашел их холодными. Не грех их съесть.

– Словно три малые души, – старик положил яйца рядом с мальчиком на песок.

Чалун и Палгун с потускневшими глазами, осунувшимися лицами медленно переглянулись: их желудки мучила не только отравы, но и голод.

– Такая малая душа живет в голове большой души. Она видит все твои сны, она мост в мир снов. И ты там во сне – это она. Умрет большая душа, она превращается вместо нее в большую душу, ее двойник, продолжение, – пилян Койвун объяснил мальцу природу существования яиц.

– Все мои души голодны, как медведи. Отец, что бы там ни было в торбах, я все съем. Слишком я огромный, чтобы голодать, – Палгун притянул к себе отравленные торбы Ыкылака.

– Держи себя в руках. Мы не решили, что делать и чего не делать. Даже если наступает ночь, давайте вернемся в селение, пока есть силы, пока мы можем бороться, – Чалун посмотрел на сына, пытаясь понять, как он себя чувствует.

– Поздно идти в море. Утром решим, на дальний остров нам идти или домой. Мне не впервые голодать, а вот малой сильно страдает без еды, – пилян Койвун положил весла на сумки Ыкылака, запретил их раскрывать, но, сильно задумавшись, вновь убрал все весла.

Инаукун вытащил из-под ног торбу с продуктами, что дала ему Лидык. Засовывая руку в торбу, от всего отщипнул себе по маленькому кусочку еды, принялся сосать крошки. Палгун, достав пищу из торб и протянув ее старшему брату и старику отцу, тут же принялся поедать свои куски. Продрогшие от холодного ветра, охотники поглощали еду, пили воду Ыкылака. Палгун, дожевывая пищу, большими глотками запивал ее водой. Слегка срыгнув, он отвернулся и, отойдя в сторону, оперся рукой о скалу, наклонившись головой к земле. Закрыв глаза, тяжело вдыхая морской воздух, он слегка заулыбался, не открывая глаз. В его голове и глазах, вспыхнув, замелькали видения: жена и дети, стоявшие на берегу моря, высматривали лодку уплывшего отца. Тряхнув головой, Палгун открыл глаза, пришел в себя. Тяжело покачиваясь, он шел назад от боковой скалы к их временной ночной стоянке. Подойдя к родичам, он завернул голову в шкуру, упал на песок и свернулся клубком, пробормотав:

– Сил нет. Сидеть не могу. Буду лежать.

Ветер принялся трепать шкуру на голове Палгуна, затормошил шкуры, накинутые на плечи охотников, которые медленно жевали пищу в наступающей темноте. Не доев отравленную пищу, охотники потеряли силы и тут же заснули на песке под скалой.

Среди ночи Инаукун, лежавший между мужчин, проснулся от стонов. Полужележавший, прислонившись к покатой скале, Палгун метался из стороны в сторону, перекачиваясь с боку на бок, крепко держась за живот. Рядом так же держался за живот Чалун, лицо которого было перекошено от боли. Привстав на локтях, он прислушивался к старику, с болью сердца говорившему мальчику, глядя на своего стонавшего сына Палгуна:

– Болезнь – злое существо, злой дух, забирающийся в тело и медленно его съедающий. Если бы злые духи не нападали, мы бы вечно жили.

– Ты наш глава, ты сказал, что Ыкылак наш брат. Мы не соглашались. Надеюсь, брат Ыкылак не послал нам болезнь, – Чалун не мог обрушиться на старейшину, потому говорил тихо, скрипя зубами.

Пилян Койвун посмотрел на Чалуна, кивнул головой, приняв на себя вину, обратился к Инаукуну:

– Думай о шаманке, посылай ей слова, говори с ней во сне, попробуй встретиться с ней. Если я замолчу, уже не смогу советовать. С нами что-то происходит. Боюсь, ты можешь остаться один.

Палгун, скинув с головы шкуру, присел, держась за живот, промычал сквозь зубы:

– Мы здесь как на небе. Будто лежим на звезде или висим в воздухе.

– После еды Ыкылака сильно хочется пить. Старейшина, нас обоих пожирает, жует болезнь, присланная Ыкылаком, – перестав вести себя достойно в глазах сына, Чалун выплеснул скопившиеся горькие чувства.

– Грудину жжет. Нутро горит, – Палгун сильно скрипел зубами, и Инаукун протянул ему свою торбу с водой: – Это моя вода. Ее принесла Лидык.

– Побереги воду. Можешь остаться один, без нас, – пилян Койвун посмотрел на Палгуна, Чалуна, тяжело дышавших от жара, полыхавшего внутри. Особенно мучился и сопел Палгун. Старейшина сказал, глядя на сына: – В молодости я был как ты, недоверчив ко всем близким, потом многое узнал, изменился. Сейчас малой рассказал мне свой сон. Он видел в нем Ыкылака. Оказывается, он украл эту лодку с могил утопших. Стоило нам доверять малому, он рассказал бы нам это дома, на берегу. Может, мы не отправились бы сюда.

Палгун, катавшийся в обе стороны по земле, сел, отрыгнул небольшое количество жидкости с кровью, обратился к Инаукуну:

– Мне сейчас хочется, чтобы наш братик стал лучшим охотником среди всех. Пусть он вместо нас отомстит подлому Ыкылаку.

– Не настраивай его на месть. Надо все обдумать. Может, мы ошибаемся, может, злые духи острова вселились в нас, – поправил пилян Койвун сына.

Тот раздраженно посмотрел на отца, встал и в несколько шагов скрылся в темноте. Некоторое время он простоял под дождем, принесшим ему облегчение. Вернувшись назад, он остался у скалы и наслаждался остужавшими его каплями воды. Охотники, посмотрев друг на друга, молча встали и принялись ставить под дождь всевозможные емкости для воды. Дождь усиливался и наполнял уготовленные емкости. Охотники выпивали скопившуюся воду, ставили их на прежние места.

Палгун, долго стоявший под дождем, желая изгнать жар, застудился и занемог. Глубоко и хрипло дыша, он бубнил, отплевывал капли на губах:

– Не могу. Словно костер забрался внутрь меня.

Чалун тоже не переставая пил дождевую воду и ставил пустые емкости под дождем. Выйдя из-под скалы, закрыв глаза, он встал под его струи, пытаясь остудить тело. Становилось ясно, что у них с братом одни и те же ужасы и боли:

– Голова горит, грудь и все нутро, будто костер внутри пылает.

Почувствовав холод вместо жара, Палгун задрожал и вернулся поближе к родичам, озираясь на Чалуна, стоявшего под дождем. Старейшина, глядя на трясущегося Палгуна и полусонного Инаукуна, все больше обращался к мальчику:

– Раз здесь у нас болезнь, значит, дома она родилась. Закон такой: все связано, охота и дом, даже если они далеко друг от друга. Если дома происходит плохое, тогда ни одного зверя, ни нерпы, ни доброго конца в охоте не застать. Больше мучает, что произошло, зародилось там в селении... Надо возвращаться.

Охотники, приняв в свой круг вернувшегося Чалуна, прижались боками друг к другу и спинами к скале и постепенно погрузились в сон. Инаукун, сильно переживавший за судьбы сельчан, провалился в мир своих жутких снов и тут же увидел море мрачных картин. Женщины-односельчанки, сидя на берегу моря вокруг яркого костра, осматривая темноту над морем, усиленно точили ножи. Казалось, море в ответ на их поступки атакует берег высокими, шумными волнами. Женщины, приподнимая к небу ножи, угрожали небесным существам, духам над морем. Где-то в темноте за их спинами громко, то скливно выл белый пес Инаукуна.

Проснувшись, Инаукун увидел, как над ним на фоне дождя стоял Палгун с ножом. Некоторое время он смотрел на Инаукуна, потом подошел к старику Койвуну и, не узнавая, зло глядел на него. Переведя взгляд на лежащего Чалуна, застыл и над ним. Поочередно всматриваясь в них, он видел Ыкылака, скользящего из тела в тело. Как только бродящее видение покинуло Палгуна, он, вытирая с губ выступающую кровь, ушел в темноту, взяв с земли гарпун.

Двигаясь в ночи, он заметил идущего навстречу человека и различил в нем Ыкылака. Пойдя следом, замахнулся приготовленным гарпуном:

– Ыкылак, дьявол, убить нас решил?

Палгун метнул гарпун, но человек отбил палкой летевшее орудие и отпрыгнул назад в темноту. Следом из темноты раздался голос Чалуна. Выскочив перед ним с древком в руках, он закричал:

– Очнись, в тебя вселился злой дух! Это я, твой брат Чалун!

Палгун, продолжая бредить, гарпуном в ослабевших руках пытался ударить брата. Чалун, снова отбив направленный гарпун, ударил брата древком по голове. Палгун упал без сознания, изо рта обильно потекла кровь. Ослабевший Чалун, сам едва стоя на ногах, с трудом потащил его по песку к месту их ночной стоянки. Подоспевшие старик и мальчик принялись помогать ему. Находившийся в бессознательном состоянии Палгун, приходя в себя, тяжело дышал и что-то бормотал. Было видно, что он в бреду и скоро уйдет из жизни. Вконец обессиленный Чалун споткнулся о него, упал на землю рядом. Старик с мальцом с трудом помогли ему встать. Втроем подтащив хрипящего Палгуна к их временной стоянке, охотники обвязали его грудь длинным кожаным ремнем от гарпуна, Чалун взялся за его обратный конец.

– Придется без шаманки удерживать его связанную душу. Наверняка она уже стремится в селение мертвых, – пилан Койвун поглядывал на сына Чалуна, который, держа кожаный ремень, с трудом дышал. Что-то бурно kloкотало в его груди.

– Дьявол в грудь зашел, мешает дышать и не знает, с какой стороны жизнь изгнать из него, – старик посматривал на обоих мужчин, зная, что уже потерял их обоих.

Снедаемый отравленной пищей и водой, Чалун, уперевшись о землю, из последних сил удерживал конец длинного ремня, но не отпускал его. Вытащив нож, старик принялся пугать парящих в воздухе невидимых духов. Тыкая ножом в воздух вокруг себя и своих родичей, истощенный старик, теряя последние силы, выкрикивал:

– Шаманка, сын сильно болен! Помоги ему! Пришли своего помощника, пусть он прогонит злых духов!

Застыв, охотники и мальчик озирались вокруг, желая увидеть прибытие невидимого помощника. Они ждали, что сейчас он явится из темноты, встанет над Палгуном, защитит их. Они надеялись, что шаманка пришлет своего помощника изгнать злого духа – болезнь. Старик и Инаукун с отцом, нервничая, ходили кругами, потрясали ножами, пугали злых духов.

Устав кружить, старик и Чалун опустили на колени над хрипящим Палгуном. Старейшина, тяжело дыша, взяв себя за горло, проговорил:

– С дурной едой, водой злой дух вошел в него. Такая же болезнь мучает нас. Нутро от языка до печени горит. Как ты, Чалун?

– Одна болезнь пришла к нам от Ыкылака. Злой дух мечется в нас, рвет нас. Теперь он здесь, – положив руку на желудок, встревоженный Чалун обратился к сыну: – Инаукун, ты не трогал его еду?

– Нет.

– Сын, не прикасайся к его торбам.

Старейшина, взяв у мальчика торбу Лидык, достал оттуда кусочки пищи и стал бросать их вверх, крича изо всей силы:

– Боги, наше подношение вам, помогите нашему сыну!

– Шаманка, пришли своего помощника, излечи нашего брата! – Чалун крикнул, поддерживая пилана Койвуна, пытавшегося спасти Палгуна.

Палгун, пришедший в себя от криков родичей, тряс головой, пытаясь рассмотреть их, но не видел – все расплывалось перед глазами. Наконец, увидев

перед собой ноги Чалуна, он поднял голову и разглядел вместо брата склонившегося над ним кричащего Ыкылака. На его голове висели какие-то не известные ему прежде украшения. Собрав последние силы, Палгун ударил ножом в ногу Чалуна, мерещившегося Ыкылаком. От нанесенной раны брат Чалун отпрянул назад, упав на землю, закричал от боли:

– Злая, безголовая гора! Что с тобой творится, ты больше не сильная гора? Я твой брат Чалун, не гадкий Ыкылак!

Старик и мальчик бросились помогать Чалуну, обмыли рану дождевой водой, обмотали тряпками. Мальчик Инаукун поднес отцу воды. Вздвогнув, тот уставился на воду, пытаясь понять, откуда она.

– Пей. Это вода от Лидык.

Пока Чалун пил воду, мальчик вместе со стариком, озираясь, искали Палгуна. Тот опять исчез. Начинался рассвет. Поглядывая на землю, едва освещенную утренними лучами, старейшина и Инаукун отправились по следам Палгуна. Чалун, собрав вещи, хромя и опираясь на одно весло, пошел за ними.

Старик и мальчик первыми подошли к лодке. Возле нее, опустившись на колени перед морем, замер Палгун. Волны хлестали его по ногам. Глаза его застилала тьма – Палгун ослеп и не видел никого вокруг. Он просил милости у Хозяина воды:

– Хозяин моря, ты посылаешь болезни тем, кого невзлюбил, хочешь наказать и вызвать к себе. Зовешь, кого полюбил, понравившегося на земле вызываешь в свой мир. Потому забираешь их души к себе. Забери из меня болезнь. Мои глаза уже не видят. Это конец моего пути? Я не совершал ни благодеяния, ни прегрешения, чтобы быть избранным тобой. Лишь однажды мальцом я поленился закопать глаз тюленя в песок, бросил его в море. Думаю, то малость. Ты сам знаешь, большой то грех или малый.

Пилан Койвун, Чалун, Инаукун обняли слепого брата Палгуна. Ощупывая сблизившихся родных, он вымолвил:

– Совсем не вижу. Ничего не вижу. Силы и мою душу забирают демоны. Малыш, злодея Ыкылака нельзя прощать. Отомсти за нас.

Палгун сильно икал, кровь обильно выступала на губах, он судорожно стоял, задыхался, держась за диафрагму. Прихрамывая, Чалун пошел к лодке. Загрузив вещи и весла, он принялся стаскивать ее в воду, позвав остальных:

– Солнце пришло. Надо идти в море.

– Отец, мы просили тебя не пускать злодея Ыкылака в наше село. Из-за него силы и душа покинули меня. Я уйду в другой мир, чтобы там заново родиться, – Палгун, откинувшись назад, опирался спиной о лодку, с трудом держась за нее.

– Моя вина. Мы не бросаем тебя, мы до конца с тобой. Помощь от нас не закончится, – подойдя к сыну, пилан Койвун пытался его поднять.

– Наша лодка – дьявол, может, она все зло мира собрала. Я не сяду в эту нечистую лодку, не хочу в ней помирать. Вам лучше возвращаться на той брошенной лодке. Она там, на берегу, – Палгун указал рукой на другую сторону острова.

– Сын, разве ты не с нами? Останешься?

– Я не хочу стать утопленником. Не нравится мне этот путь. Я уже сам не свой, сдуру могу прыгнуть в море. А по нашим законам идти наперекор богу моря, вызывающему к себе помеченную душу, нельзя. Не хочу быть утонувшим, боюсь.

– Все боги любят тебя. Все хотели бы забрать тебя к себе, – произнес прощальные слова Чалун, видя предсмертное состояние брата.

– Хочу умереть на земле. Люблю горы, всех зверей за лесом. Хочу уйти к горным людям. По приказу хозяина гор погоню к вам лучших, жирных зверей. Ты, Чалун – туман, тебе надо жить над морем. Тебе нравится хозяин

моря, стань касаткой, гони по его велению стада тюленей и рыб к нашим голодным братьям.

Палгун взволнованно говорил последние слова; опираясь на борт, он хотел перейти на берег, но не смог. Инаукун внимательно слушал его, вспоминал свой детский страх перед водой и такую же тягу к земле. Обессиленный Палгун едва перемещался, опираясь о борт, желая остаться на берегу. Сместившись к носу лодки и припав к воде, зацепился одной, затем второй рукой за лодку и, повиснув на борту над водой, держался за нее обеими руками. Охотники, стоя над лодкой, смотрели на Палгуна, по пояс ушедшего в воду.

— Мы должны выбрать: сидеть здесь и ждать его ухода или силой усадить в лодку, — пиан Койвун, подойдя, подхватил сына. — У меня осталось мало сил. Надо вывезти отсюда сына. Долго быть здесь нельзя — тогда не вернемся домой. Мы не сможем предать Палгуна огню на этом острове, — старик вновь обратился к Чалуноу, и тот, подойдя к Палгуну, помог старику подхватить его.

Пиан Койвун без усталости продолжил объяснять ему, как провести обряд перемещения души сына в иной мир:

— Если оставим тело здесь, оно может пропасть. Значит, не предадим его костру. Тогда душа не пойдет на небо.

— Вы правы, в нас всех зашла одна болезнь, наверняка мы все уйдем. Надо спешить, довести его тело до земли. И мой сын Инаукун не сможет один управлять лодкой. Не дотащит наши тела до селения. Мы должны помочь Инаукуну.

Слушая Чалуна, старик согласно кивнул головой, и они попытались загрузить Палгуна в лодку. Выскользнув, он упал лицом в воду, набежавшие волны потянули его за собой. Охотники, зайдя в воду, подхватили Палгуна. Тело его было безжизненно, голова покоилась под водой. Он был мертв. Обессиленные охотники, неимоверно напрягаясь, положили тело Палгуна на дно в передней части лодки. Инаукун, во всем помогая старику и отцу, вместе с ними укрыл мертвеца с головы до ног шкурой. Занеся вещи с берега в лодку, охотники подтолкнули ее в воду и поочередно с трудом забрались в нее.

Отплывшая лодка качалась среди волн, уходила носом в глубокие провалы между ними, вновь выбиралась наверх. Инаукун со страхом наблюдал за волнами, грозившими утопить, забрать на дно моря их лодку. Любовь к земле, оставшейся позади, отличалась от чувств, испытываемых к морю. Страх перед водой был не случаен. Он подумывал, может это месть, расплата за то прошлое. Двойное отношение к царству воды он постиг в раннем детстве, когда едва не утонул. Зимой на проходившем в чужом селении медвежьим празднике Инаукун с братом, что был старше его на два года, участвовал в гонках на собачьей упряжке. Когда они проезжали по реке, сани провалились под треснувший лед, и Инаукун оказался в воде. Согласно закону нивхов нельзя было вытаскивать тонущего — это значило, что хозяин моря пригласил его к себе. Однако старший брат бросился его спасать, вытягивал за одежду и сам неожиданно соскользнул в воду. Брат вытолкнул его из воды, долгое время барахтался, несколько раз уходя ко дну, отталкивался от него и на короткий миг всплывал. Поднявшись, он пытался удержаться за лед, но сильно ослабевший, был утянут промокшей одеждой на дно.

Так Инаукун постиг страх, который боролся с его национальной привязанностью к воде. Страх и народная любовь к воде всегда жили в нем, преследуя друг друга. Брат, утонувший в раннем детстве, жил в его душе, часто приходил к нему по ночам. Тело брата не нашли, и душа его отправилась блуждать, маяться между миров, не находя себе новой земли. Инаукун боялся и ждал, отзовется ли эта плохая история на его связях с морями. Страхи перед водой, ледяной поверхностью реки, намокшей зимней одеждой, тянущей ко дну, а затем перед морем, осев, прижились в его душе.

14

Волны набегали на берег перед летником Ыкылака. Стоя в передней части жилища, он держал в руках ружье, смотрел на волны. Ыкылак спрашивал себя – силен ли яд, отправленный с ушедшими охотниками, помогло ли море закончить их путь. В стороне слышались громкие резкие голоса подростков, детей, носившихся по побережью. Они раздражали его своим поведением. Ыкылак, подняв ружье, морщась, склонил голову к стволу, смотрел на них сквозь прицел. Перестав целиться, Ыкылак опустил ружье. Жена Ыкылака, сидя на бревне – пороге, разделявала гуся. Ыкылак, поглядывая на бегающих вокруг растянутых сетей подростков и детей селения, спустился к жене.

– Если они вернуться, что будет с нами? Что ты положил им в торбу? Я сама начинаю бояться тебя, – Азик опустила вниз ствол ружья, что он вновь навел на детей. – Ты и они – разное. Вернутся, я их встречу на берегу. Посмотри туда на скалу.

В стороне на скале над селением нивхов на разных уровнях горела пара костров. Молодые парни, сидя возле костров, бросали ветки в костер.

– Призывают того, кто не вернулся с моря. Так кострами зовут, ждут. Потеряли, но надеются вернуть. Всех не станет, мы будем жить здесь одни? Таких ты задумал свой приход сюда?

– Всегда найдутся новые люди. Или старых надо сделать новыми.

– Уйдем к моим. Пока не поздно. Не делай зла.

Айзик, распознавая всё новые странности мужа, попыталась забрать у него ружье, но он не отдал его, поглядывал на детей, носившихся между сетями. Бежавшие среди них собаки принялись громко и нудно лаять. Айзик посмотрела на них. Бродившая среди них жена Напуина гоняла палками собак и поглядывала в их сторону. Она открыто, вызывающе наблюдала за Ыкылаком и Айзик, не прятала глаз, встречаясь с их взглядами, в глазах ее жили ненависть и неприязнь. Айзик не в первый раз видела на берегу странную женщину, которая подолгу следила за ними.

– Часто вижу, как она наблюдает за нами. Глаза злые. Кто это?

– Может, помощница шаманки.

Ыкылак ушел в сторону детей, где в небе над водой кружили чайки. Когда он подошел к берегу, собаки бросились на него, свирепо лая, но не приближались. Ыкылак навел на них ружье, громко крикнув, слегка напугал. Заслонив собой собак, перед ними встал юноша Касказик. Видя, что надо защищать родное, принадлежащее им, еще двое подростков встали рядом с ним. Ыкылак засмеялся, ему понравился их поступок.

– Хотите стать новыми людьми, исполните мою подсказку. Не пойдете новой дорогой – всю жизнь будете сидеть в кармане отца. Не научитесь спорить с отцом – будете мышонком перед медведем. Стань главным в своей жизни, не рабом до старости. Первый шаг – подбег и удар по спине отца, убегай не ожидая ответа. Боишься ударить, хотя бы толкни, но беги. Так дойдешь до себя и до самого верху.

Жена Напуина, встав среди подростков, зло смотрела на Ыкылака, выплеснула за много лет скопленные злость и слова:

– Ты разрушил очаг нашего дома. Разрушил близость Напуина и Лонгуна, разлучил нас. Одна неприязнь осталась к тебе. Зачем вернулся, дерево зла?

– Помочь тебе уйти в тонкий мир растворившегося вместе с сыном твоего мужа Напуина.

– Все чувствуют, твой злой дух травит селение. Братья исчезли из-за тебя. Исчезнешь и ты.

Ыкылак в ответ несколько раз выстрелил в парящих над морем чаек. Дети селян со страхом наблюдали, как он шумно стрелял огненными стрелами, как на песок упала мертвая чайка.

– Скажите в своих жилищах – вот такие у меня огненные стрелы. Скоро я пойду в море, добуду вам много зверей. Для всех вас. Сколько попросите – столько принесу.

На берегу в набегающих волнах лежала чайка. Окружив мертвую птицу, собаки обнюхивали ее. Подойдя к собакам, жена Напуина взяла двоих из них за ошейники. Подошедший к ней Касказик поднял чайку, они двинулись за Ыкылаком, шедшим к своему летнику. Подойдя к летнику, жена Напуина кивнула головой Касказику, и он бросил чайку под ноги Айзик. Собаки, придерживаемые женой Напуина, лаяли на Ыкылака, остальные за их спинами голосили, ругали его на собачьем языке. Развернувшись, жена Напуина с юношей Касказиком пошли назад, присоединившись на берегу к спускавшимся к воде нивхам. Во главе селян шли шаманка Чамук, старики Паркизин с Иткуном, мать Инаукуна. Они вели за собой белую собаку Инаукуна. За ними следовали молодежь и подростки, чтобы исполнить подношение хозяину моря во спасение братьев. Выйдя на песчаную косу, каждый глянул в море – вдали от берега оно было покрыто кучерявым туманом. Склонившись над преподносимой хозяину моря белой собакой, старики надрезали ножом одно ухо, вытекшей кровью помазали сверточек из травы *к"он"г:он* и прутиков. Затем по очереди оба старика бросили эти сверточки в море. Старик Паркизин с душевным трепетно говорил:

– Хозяин моря, открой нашим братьям дорогу в тумане. Верни домой. Хозяин моря, морские духи, примите душу собаки *тол-уиг"лан"г:анн*, принадлежащую вам. Как состарится, мы заберем ее тело, а душа будет жить на одной земле, на вашей стороне. – Старики и молодые смотрели на пучки травы *к"он"г:он*, на прутики, уплывавшие в море. Старик Иткун, приобняв подростков за плечи, делился с ними своими знаниями, возможным исходом ситуации: – Туман пленил наших братьев. Мы не знаем, какие силы мучают их сейчас. Мучителями бывают злые, умнейшие чудища горы или моря. Разрушив тело, они часто уносят с собою душу умершего. Но душа умеет постоять за себя. Уйдя из тела, она может сбежать от своего гонителя. Спрятаться у дружественных горных или морских людей. Через время душа-двойник, приняв человеческий образ, перебирается в новую таинственную землю – «селение мертвых». Обычно злые духи, убив тело, оставляют душу в покое, и она отправляется в новый мир – в эту самую деревню умерших. Где-то на земле есть отверстие, нам смертным это место точно не известно. Но стоит только спуститься по этому отверстию, как душа у цели. Там всё – как здесь. И это успокаивает.

Все смотрели на буйные волны вечного моря, яростно бросавшегося на тысячелетние берега. Проведя обряд, селяне вернулись к летникам, принялись обходить жилища, предохраняя селение от козней злых духов. Возглавляемые шаманшей шли через все жилища, пробираясь со стороны восхода солнца в сторону заката. Первым шел юноша с пальмой, за ним юноша с шаманским дымокур, пританцовывающая и стучащая в бубен шаманка замыкала тройку. За ней двигался Касказик, державший веревку – лубук, закрепленную и обвязанную вокруг пояса шаманки. За ними следовала дочь шаманки Лидык, ведя собаку. Вошедший в первое жилище юноша с пальмой оставил ее слева у двери. Вторым вошел юноша, несший шаманский дымокур, поставил его посередине жилища. Хозяйка жилища, жена Напуина, взяв свой дымокур, заложила в него горящие угли, накидав сверху ветки багульника, поставила его на дымокур шаманки. Глядя на свой дымокур, постукивая в бубен, при-

танцовывая, вращая тазом, шаманка вошла в жилище и обошла дымокуры со стороны восхода к заходу солнца. Будучи шаманом – женщиной, Чамук обогнула дымокур не три, а четыре раза. Пока хозяйка жилища, жена Напуина, грела ее бубен, шаманка присела курить. Затем, снова ударяя в бубен, она обогнула дымокур, направившись в соседнее жилище. Чамук, изрядно напрягаясь, тщательно исполняя ритуал полезного для селян колдовства, обошла все жилища родичей.

15

С рассвета до вечера трое охотников, с трудом двигая веслами, плыли по морю. Ослабший Чалун, вытянув раненую ногу, опирался здоровой ногой о дно лодки. Старик и мальчик, севшие на место Палгуна, гребли каждый своим веслом. Лица Чалуна и старика были синего цвета. Морщась от внутренней боли, они тяжело дышали, хрипели, отплевывая кровь. Околевший в судорогах Палгун лежал на правом боку у носа лодки. Покрывающая его шкура сползла с головы, на подбородке и губах темнела спекшаяся кровь, повязка на глазах охраняла живых родичей от злых духов потустороннего мира. Неестественно скривившаяся шея окаменела, из-под шкуры торчала околевшая рука с согнутыми напряженными пальцами. Инаукун, обернувшись, посмотрел на ноги мертвеца. По ним полз черный паучок. Старик закрепил на борту весло лодки, мальчик повторил за ним. Отправив его на корму управлять рулевым веслом, старик сел рядом с Чалуном. Забрав у Чалуна одно весло, стал ему помогать, теперь он гребли вместе. Мальчик, сев на место старика на корме лодки, приготовился управлять рулевым веслом. Старик с трудом выговорил:

– Куда кивну направление головой, туда и направляй лодку.

Старик оглядывался на нос лодки, на горизонт и небо, сверяя направление движения с солнцем. Охотники, доживая последние часы, вяло гребли веслами. Когда теряли сознание, им виделось, что они продолжают грести, хотя на самом деле замирали, сложив руки, склонив головы на борт лодки. Возвращаясь в мир, где находились их тела, Чалун и старик брались за весла. Старейшина кивал головой мальчику, а тот настраивал рулевое весло. Окончательно потеряв силы, к вечеру они перестали двигаться. Ночь быстро окутала мир, но вскоре туман, шедший сплошной стеной с севера, перекрыл луну и блеклые звезды. Неуправляемая лодка покачивалась на волнах холодного моря. Старик и мальчик, свалившись на бок, дремали в лодке. Чалун, лежа на спине, смотрел в небо, дышал резкими болезненными глотками. И без того отчаявшиеся, испуганные глаза начал застилать туман. Когда туман перекрыл небо, на лице Чалуна усилились отчаяние и страх. Чалун думал о тупике, в который завел сына. На глазах появились слёзы, сползли по вискам к растрепанным волосам.

Туман, окутывая лодку, двигался в оставшуюся часть моря, заполнял собой близлежащий мир. Чалун, с трудом поднявшись, медленно сел, глядя сквозь завесу тумана, но не видел рядом сидящих сына и старика. От безветрия лодка стояла на месте и не двигалась в тумане. Иногда появлялись короткие просветы, где туман был не так густ. Инаукун, пребывая в мире снов, где мир также обволок туман, заметил лодку, двигавшуюся на него. Лодка приблизилась. Веслами управляла шаманка Чамук, ближе к носу лодки сидела дочка Лидык. Шаманка гребла веслами, зло глядя на Ыкылака, тот, сидя на корме, целился в нее из ружья. Ыкылак, подняв руку, указал ладонью, чтобы она остановилась. Шаманка перестала грести и смело взглянула на Ыкылака, тот указал рукой, чтобы она встала. Шаманка поднялась, Лидык встала за ней, испуганно глядя на огненную палку в руках Ыкылака. Встав в полный рост, он выстрелил в шаманку, после чего, пошатнув лодку, она упа-

ла за борт. Переведя дуло ружья на девочку, будучи ее родственником, зло улыбаясь, он прицелился в нее, готовясь застрелить. Лидык широко раскрыла глаза и, привстав, ожидала удар огненной стрелы. Инаукун, всхлипывая, тут же проснулся, забормотал:

– Нет. Не смей. Нет.

Туман слегка рассеялся, Чалун разглядел всхлипывающего сына. Поправив лежащее тело Палгуна, прикрыл его голову шкурой. Голодный, промерзший Инаукун присел, всматриваясь за борта лодки. Не видя шаманку с дочерью, посмотрел на отца, склонившегося над Палгуном, на скорбящего на корме старика и поделился мыслями:

– Ыкылак может убить Лидык и Чамук, надо спешить, надо попасть домой.

– Кого хотел убить Ыкылак, все в этой лодке. Ты должен прятать от него свои мысли, – Чалун, подумав, что не успел многому научить сына, придвинулся к нему.

– Чамук не любит его больше вас. Она тоже с нами в этой лодке.

Чалун, удивленно глядя на сына, радуясь его уверенности в своих мыслях и твердости характера, высказал свое подозрение:

– Может, шаманша знала мысли Ыкылака? Может, они заодно. Она отвергала нас, может и сомневалась, что мы вернемся назад.

– Понимаю ее, она – орел, я же – невылупившийся птенец неясной птички. Только она может победить Ыкылака. У меня не получается говорить с ней, находясь здесь.

– Ты сильнее всех рвешься в наше селение, тебе поможет сила, зовущая тебя назад, – ответил Чалун и задумался, как помочь сыну, хотя бы советами. – Но куда плыть? Кругом туман. Мое имя туман, кругом туман, как я.

Инаукун, взбудораженный сном, остывал, всматриваясь в беспроглядный туман и родичей, понимал, что они в тупике, но продолжал искать силы в себе:

– Потом не смогу простить себя, что не пытался предупредить, спасти их. Не искал путь, сидел в тумане, пускал сопли.

– Садись вместо старейшины, – усадив сына вместо старика, лежавшего на днище, Чалун отдал ему парное весло. Мальчик с трудом ворочал им; отец, глядя на него, медленно передвигал свое весло, у него тоже не было сил. Мальчик не справлялся с тяжестью весла, но греб, как мог. Отец, внимательно наблюдая за ним, дал ему возможность осознать происходящее.

Сын и отец, напрягая малые силы, быстро утомились. В лодке, окутанной туманом, было неясно, двигаются ли они или стоят на месте. Инаукун был истощен голодом, жаждой, но не сдавался и всем корпусом налегал на весло. Когда руки перестали справляться с веслом, принялось трястись все тело. Он хрипел и кряхтел, борясь с тяжестью весла, ему казалось, что он работает им, но руки не шевелились, а мальчик лишь мычал и сопел. Бросив весло, он, обессиленный, упал на дно лодки и заплакал от бессилия. Отец Чалун, подхватив весло с его стороны, продолжил грести двумя веслами, но это был бег на месте. Мальчик пытался встать, но не мог. Посмотрев вверх, увидел присевшего над собой старейшину. Его руки плохо двигались, мелко тряслись, глаза были пусты, безжизненны, казалось, рассудок покидал его, как и Палгуна. С трудом находя силы, он вымолвил Чалуну:

– Вы ищите край тумана? Где-то он должен быть. Но сегодня ночью отлив, и вся вода моря устремится назад, вниз в его пуповину – *толк'ылмыр к'ылмыр*. Сквозь этот пуп вся вода втягивается в море, сквозь него обратно и выходит. Потому случается прилив и отлив. Вдруг в той стороне, куда мы рвемся, пуп моря? Он затянет нас на самое дно во владения хозяина моря.

– Мы можем не грести, всё равно он нас затянет, если захочет. Но может быть, мы плывем в сторону от него. У меня всё сгорает внутри. Недолго оста-

лось дышать. Буду грести, пока не покинут силы. Вывезем мальчика за край тумана, – Чалун, едва шевеля языком, убеждал себя в необходимости победить коварные капризы моря, но жизнь внутри него закончилась, руки и тело не подчинялись ему.

Туман не уходил, а старейшина уже наполовину вышел из этого мира в космический тонкий мир, который звал к себе следующего охотника – Чалуна. Кружа и петляя в тумане, лодка словно не желала подчиняться Чалуну, с трудом ворочавшему веслами, полумертвому старику, камнем лежавшему на дне лодки. Тонкий мир был знаком этой лодке, бывшей памятником нескольких утопленников, и казалось, она спешит назад, забрав с собой всех и молодого Инаукуну. Инакун же, лежа на днище, прощался со стариком, похожим на живой труп. Чалуна, не имеющего и песчинки силы, лишь охладевшее тело, захлестнули злость и ярость к туману, и он заговорил с ним:

– Брат туман, ты же человек, что же ты серчаешь, освободи нас, отправь домой! Что случилось, какое зло мы тебе принесли?!

Инакун, желавший понять наличие и значимость своих грехов, нелюбовь к ним со стороны хозяина неба, повторил несколько раз в ухо старику, а затем отцу:

– Мы нагрешили? Разве мы нагрешили? Убили много лишнего зверья до этого дня?

– Бог воды исчез со своей старухой. Чего все они хотят от нас? Хозяин воды, ты, верно, переговорил с хозяином неба, и тот держит свой туман. Бог Вселенной Курн, переговори с ними, помоги нам! – Чалун, не смиряясь, всё больше приходил в ярость, теряя последние силы.

– А кто делает ветер? Почему его долго нет? – Инакун посмотрел на старика, но тот до сих пор не открывал глаза, тогда он повернулся к отцу.

– Место, откуда дует ветер, – «ветровое отверстие». Осенью лебеди сквозь эту дыру улетают в другую вселенную – заливливмиф. Весною обратно прилетают к нам. Ветры вызывает тамошняя женщина Ариумгу. Она сидит в жилище, занятая делами, тогда погода тихая. Когда же она выходит на улицу и танцует, то ветер поднимается. Если она тихо, недолго танцует – ветер слабый, если же она сильно танцует – то и ветер сильный. Когда на море и на земле лавры – смерч крутится, надо вытащить из ножен нож и показать ему острие. Тогда он в другое место уйдет или пропадет. Верно, что так и с туманом можно сделать, – подумав, как разобраться с туманом, Чалун достал нож и, держа его в руке, осматривал небо, готовясь ему пригрозить. Старик, глядя на Чалуна, покачал головой. Тот, опустив нож, сел рядом с ним на днище лодки.

Инакун, налив в емкость воды, дал попить старику, тот кивнул головой на Чалуна. Мальчик подал емкость с водой отцу. Чалун, выпив часть воды, передал ее назад старику. Тот кивнул головой на мальчика, Чалун передал воду сыну. Отпив воды, Инакун подал емкость старику, но его руки не шевелились. С трудом приподняв руку, старейшина хотел взять емкость с водой, но рука не удержала ее. Мальчик успел подхватить падающую вниз руку с емкостью. Старик попросил его:

– Поднеси. Не чувствую ни рук, ни ног.

Мальчик поднес воды старику, напоил его, спрятал емкость в торбу. Чалун, присев возле старика, растирал его руки и ноги, пытаясь их оживить, но старик, едва шевеля языком, попросил его:

– Душа оторвалась от рук и ног. Нож к руке поднеси.

Чалун приставил нож к его левой, окончательно онемевшей руке. Старик скомандовал:

– Коли руку.

Чалун, поглядывая на старика, осторожно кольнул ножом его руку; тот, не чувствуя боли, промолчал. Уколов сильно во второй раз, Чалун, наконец, понял, что колет мертвую руку. Тогда он уколол правую руку, которой тот хотел поднять воду. Она также не реагировала на прокол в теле, а кровь даже и не появилась в проколотых местах на оледеневших бледных руках. Старик, готовый покинуть свое тело, решил попрощаться:

– И кровь оторвалась, ушла куда-то. Нет боли, ничего нет. Пустота в голове, в груди. Уложи меня.

Старику не подчинялись руки и ноги. Чалун выровнял его скривившееся тело на днище. Старик позвал поближе к себе мальчика:

– Присядь возле меня.

Мальчик, прихватив руку старика, сел вплотную к нему, склонил голову к его груди.

– Самый грозный – это хозяин неба тайхранд, он мечется по небу, создавая грозы, молнии, всё видит, может наказать. Но старейшины не боялись даже его. Мы смелый народ. Мы выступаем против него, когда он долго льет воду, гремит, держит тучи. Стоит стрелять огненными стрелами в его ветер, в молнии и этим успокоить его, тогда он улетает с земли нивхов. Но здесь море, туман. Это владения хозяина моря, – пилан Койвун шептал ему последние слова, оставаясь для него самым полезным наставником.

Встав с ножом в руке, Чалун собрал остаток сил, выплеснул небу всю свою злость. Начал резать ножом воздух, полосовал его во все стороны и выкрикивал:

– Строящие козни духи, прячетесь за туманом?! Знаю, как вы боитесь острых предметов! Человек Туман, уходи, отпусти нас! Не пугай, не мучь нас, буду колоть, пока не уйдешь!

Бросив нож, Чалун схватил гарпун и принялся колоть им небо вокруг лодки. Быстро обессилев, он сполз на дно лодки и продолжал осипшим, слабым голосом искать дорогу жизни для сына:

– Создатель вселенной бог Курн, старейшины видели, ты порой пролетал над селением на нарте, везомой волками. Но при виде нивхов твои волки сворачивали вверх, и вы исчезали под небесами. Может, единственный раз спустишься с неба и увезешь нас к себе в гости?

Старейшина сильно вздрогнул и резко захрипел, его организм отторг небольшую массу темной крови, которая, просочившись, появилась у него на груди. Чалун и сын склонили головы ближе к его лицу, он же медленно шептал:

– Сейчас я засну здесь, а проснусь там, за костром, в тонком мире. Здесь мы гости, думаю, правильно ли я жил, гостил тут. Об одном вспоминаю каждый день... Так и не могу найти ответ. Мой брат однажды упал со льдины в воду, я побоялся бога воды и не подал руки брату. Но другие, оказывается, спасали родичей из воды, придумывая хитрости, обманывая хозяина моря. Он молчал, а они жили долго и без бед. Я не умел придумывать нового, менять обычаи, законы, правила.

– Ты для нас лучший пример, отец, – Чалун и сын повторяли по очереди эти слова, повторяли по несколько раз.

– Сломай трубку, гарпун, нож, чтобы они попали в тот мир со мной. Дайте мне в дорогу нужные вещи. Тогда там будет хорошо, удобно.

Поломав трубку, гарпун, нож, Чалун аккуратно вложил их за пазуху старику. Чалун с сыном, чувствуя, что он уйдет сейчас и навсегда, обеими руками держались за него. Слушая последние слова, всё ниже и ниже склоняли головы к нему.

– Я ухожу к своим... в другой мир... Смерти нет... Двойник человека – душа, оставляет тело, как зверь шкуру, и идет домой... Мы должны ехать до-

мой в невидимый мир души, там наша духовная родина... Наш дом – мир духов. А в телесах и шкурах... это просто путешествие...

Старик говорил очень тихо, медленно понижая голос. В конце лишь шептал, шевеля губами, затем не стало слышно, что он шепчет. Потом он перестал шевелить губами.

Чалун и Инаукун сидели, склонив голову над стариком, смотрели на бездыханное тело. Упершись глазами в туман над головой, Чалун долго молчал, затем сказал, выдыхая из сердца последние чувства:

– Вокруг всё так же, а тебя уже нет... Вокруг всё так же, а тебя уже нет... Вокруг всё так же, а тебя уже нет... Вокруг всё так же, а тебя уже нет...

Повторяясь и не зная, что говорить, прощаясь со старейшиной рода, Чалун долго бормотал, пока не смолк. Мальчик со слезами на глазах сел за весла, пытался грести. У него никак не получалось, так как был он мал и слаб, но Инаукун всё равно не сдавался и пытался двигать лодку в тумане.

Чалун распустил кончики тоненьких косичек старика, которые переходили в большие косы. Размотав большие косы, расправил все волосы на голове. Закончив освобождение волос от пожизненной формы в виде кос, Чалун накрыл глаза старика повязкой. Затягивая повязку в узел на затылке старика, Чалун прикоснулся к плечу старика, и тут же на его руку перебрался паучок, выбравшийся из-за спины мертвеца. Чалун не заметил этого паучка, тот был слишком маленьким, да и слишком темна ночь, плотен бродивший густой туман.

16

Человек ночь вместе с человеком туманом окутали дальний остров, призывая ко сну и тишине. Но человек остров, тысячелетиями живший среди волн моря, продолжал бодрствовать, спорить, переговаривать с другими островами. Скалы – люди, жившие на нем, тоже спорили между собой, обижаясь друг на друга, часто обещали покинуть остров, что и делали, перебираясь на другие острова, земли. Инаукун слышал, знал о таких свойствах островов, скал, думал, почему туман не может быть похожим на них. Может, туман не умел быть самостоятельным, как они, и всегда ждал ветра, рожденного женщиной. Ветер любил перемещать туман по земле, а туману нравилось бродить по свету, и всё благодаря ветру, хозяйке – женщине, отправившей его.

Пребывая этой ночью во сне, Инаукун наблюдал все эти споры, разговоры между людьми – духами мира. Изможденный пережитым в море, провалившись в мир снов, Инаукун на короткий миг обрел счастье. Пока он жил в мире снов, лодка, блуждавшая по капризным волнам в тумане, неожиданно уперлась носом в берег. Подталкиваемая волнами, стала заползать на берег, то носом, то боковой стороной. Нос лодки то наезжал на берег, то отъезжал назад. Корма лодки поворачивалась в ту сторону, куда ее толкали волны. Так она кружила, втыкалась в берег носом и кормой весь остаток ночи. Но вот лодка окончательно заползла на берег, уперлась носом в землю. По бортам лодки скользили вверх, затем вниз небольшие волны, гоняли вперед-назад камушки под обоими бортами. Чалун с сыном лежали на дне лодки ближе к ее кормовой части.

Проснувшись, сын с отцом почему-то не могли вспомнить, кто они, свои имена, свою принадлежность к народу, земле. Вскоре память вернулась, но они долго не могли понять, где они находятся, как попали сюда. Восстановив в голове все прожитые моменты, Чалун с трудом встал и перебрался на нос лодки. Инаукун последовал за ним. Спрыгнув на берег, они с трудом вытянули лодку. Волны, толкая лодку, помогали им, как могли. Инаукун, радуясь земле, в мыслях прощался с морем. Затем они долго перетаскивали из лодки на берег тела мертвецов; оттащив их подальше от воды, уложили среди кам-

ней. Всматриваясь в туман, Инаукун хотел пойти в сторону гор, но отец его удержал за руку.

Инаукун обратился к нему:

– Отец, кажется, это остров?

– Это земля. Поверь, мы выбрались. Вижу горы в тумане. Сейчас закроем тела камнями. Вам надо будет вернуться за ними. Может, к утру туман уйдет, тогда ты сможешь искать дорогу к селению. Оно, верно, по берегу к югу.

Покачиваясь, хромая на раненую ногу, Чалун принялся собирать на берегу моря камни. Приносил их к телам родичей, закрывал их со всех сторон разными по величине камнями. Инаукун помогал ему, приносил камни, которые мог поднять и складывал их возле тел родичей. Чалун с трудом перетаскивал валуны, прикрывал тела большими камнями по бокам, средние по величине клал сверху, камни поменьше совал в дыры меж камней покрупнее. Чалун, глядя, как мальчик присел возле камней и сжался в комок, развернувшись, пошел к лодке:

– Ты продрог.

Достав из лодки топор, тяжело дыша, он принялся рубить лодку на дрова. Начав с носа лодки, делал это с трудом, расходовал последние жизненные силы.

– Надо избавиться от этой лодки, много духов собралось в ней. Ты согрейся, силы береги. Не бойся, мы на земле, завтра братья должны нас искать, найдут тебя.

Вырубив куски досок из деревянных бортов лодки, Чалун разжег костер. Инаукун подобрался поближе к огню, лег на землю, разомлев от тепла, быстро заснул. Чалун продолжил носить камни, закрывая ими мертвецов. Поднимая каждый камень, обращался к их духам:

– Люди камней, мы вас никогда не раним, не ломаем, не мучаем, пользуемся вами бережно. Храним ваши души. Укройте меня и моих братьев, пока родичи не заберут нас. Пожалейте нас, пожалуйста, дайте нам убежище.

Закончив обкладывать камнями родичей, Чалун забрался в свое убежище – могильник, сложенный для его тела. Закрыл камнями ноги, живот, грудь, оставив неприкрытыми лишь верхнюю часть груди и лицо.

Проснувшийся Инаукун, видя заваленного камнями отца, испытывая тоску и боль от его ухода, сел рядом с ним, положив руку ему на плечо.

– Ты не стереги нас. Мы здесь под камнями укрылись. От зверей камни поберегут. Туман, может, не скоро уйдет, не жди, иди по берегу на юг, к селению. Приведешь братьев сюда, – Чалун, почувствовав волну любви к сыну, что было главным смыслом его жизни, улыбнувшись, продолжил: – Верю, что в своем селении ты родишься в третий раз.

Инаукун, растроганный его любовью, пододвинулся поближе к отцу:

– Про первый раз знают все, про третий раз я понял. Расскажи, о чем ты? Что за второе рождение?

– Ты родился и три солнца не плакал, не дышал, было ясно, что душа не пришла вместе с телом. Шаманка сильно старалась, но не могла найти, куда улетела твоя душа. Всем родом мы простились с тобой, и через три солнца я повесил тебя высоко на дереве. Всю ночь я не уходил, не мог. Просидел рядом на большой ветке, и вдруг утром ты стал сильно кашлять, да так сильно, что подвешенное над тобой ритуальное инау упало тебе на грудь. Так ты стал Инаукуном. И второй раз рожденным тут, на земле... Напоследок хочется многое сказать, но не знаю, о чем лучше... Мысли дерутся друг с другом, толкаются. Что главное, не поймешь... Я всегда не мог говорить много и долго, как наш пилян Койвун.

– Помню все его слова, наказания. Сейчас представил и понял – во встреченном звере могу встретить тебя, отец, брата Палгуна, пилана Койвуна. Он говорил: в звере может жить родич, не терзай, не изувечь его.

– Ты, как я, всегда пытался поймать каждое утро, каждый вечер. Провожал луну, встречал солнце. Встречал, когда они выходили, провожал, когда убегали в подземный мир. Луна и солнце всегда ходят одни, как мы. Хотел сказать тебе про одиночество, что ждет тебя. К одиночеству надо привыкнуть. Да, больно и тоскливо, но часто придется быть на охоте одному, где угодно придется быть одиноким. Мы любим быть всегда с братьями, в толпе. В детстве, во сне, в старости боимся одиночества, но родился ты один и уходить будешь один. Сейчас оставляю тебя одного, но даже когда придут сюда братья, до конца жизни будешь один. Тела соединить не трудно, но надо соединять души. Одиночество похоже на болезнь, но умудряется дать тебе силу, растит любовь к близким, – Чалун, говоря и улыбаясь темному небу, закрывал, затем медленно открывал глаза. Он смотрел на темное небо в тумане, а когда там возникло лицо жены, он заулыбался и устало закрыл глаза.

Стоя на пороге в другой тонкий мир, Чалун увидел, что они с женой сидят у семейного очага на шкурах. Улыбаясь, жена сидела у него за спиной, не торопясь, с любовью расчесывала его волосы. Кто-то из женщин пел рядом с ними, в соседнем помещении. Сын держал руку на плече отца. С лица Чалуна сошла улыбка, оно искривилось, затем смиренно выровнялось. Костер, отражаясь в остекленевших глазах, подчеркивал омертвление. Инаукун надолго закрыл глаза, а когда открыл их, то всё так же одиноко горел костер в ночи. Инаукун, сидя возле могильника Чалуна, ронял слёзы на камни, на свою грязную одежду и руки. Костер играл бликами на камнях, на лице Инаукуна, одиноко расположившегося среди камней. Паучок, появившийся из-за поясицы Чалуна, пополз вверх по его груди, перебравшись на концы его волос, добрался до руки мальчика, лежавшей на плече отца. Замерев на мгновение перед рукой Инаукуна, паучок обошел ее стороной, затем уполз по волосам на затылок Чалуна. Инаукун расплел кончики тонких косичек, росших из больших кос-волос, распустил их. Поправив распущенные волосы, аккуратно завел их назад за голову. Погладив лоб, лицо отца, положил на глазницы два плоских круглых камешка. Обложив грудь и лицо отца камнями, Инаукун лег рядом с ним на землю, желая проводить его. Он хотел бы найти его душу и еще побыть с ней, но не знал, как это сделать. Он не был шаманом. Лежа и бредя по отцу, он провалился в свою тоску, мир снов, видений.

17

Старики, посовещавшись с шаманкой Чамук, объявившей об обнаружении душ братьев, решили отправить за ними самых крепких родичей. Изначально ушедшие охотники объявляли, что пройдут к трем островам, но не стоило идти по длинному пути. Шаманка, отправляя вперед помощницу сову, обещала, что она должна их найти, сократив лишние переходы.

Утром на берегу селяне готовили две лодки к походу в море. Шаманка Чамук, старики, молодежь провожали братьев, окуривали дымом лодки, подносили к лодкам вещи, необходимые в пути. Так как селяне шли не на охоту, то свои мысли они не скрывали, незачем было обманывать зверей и природу. Открыто обсуждали планы, маршруты, завтрашние варианты возвращения. Получив благословение от старейшин, селяне скоро вышли в море. Вдали от берега слабый туман, недолго висевший над морем, быстро рассеивался. Лодки с мужчинами стремительно уходили в открывшееся море. Провожавшая их шаманка долгое время смотрела в глаза своей сове, вероятно, забираясь к ней в душу. Подкинув вверх сидящую на руке птицу, шаманка наблюдала, как та

быстро настигла селян в лодках. Пролетев над ними, она совершила круг и двинулась в море. Мужчины, указывая руками на помощницу шаманки, перекрикиваясь меж собой, плыли на некотором расстоянии друг за другом.

Проводив мужчин, уплывших на выручку братьям – охотникам, шаманка пришла в окружении юношей к летнику Ыкылака. Юноши помогли ей собрать вокруг его жилища четыре костра из кучи хвороста. Подожженные костры задымались, дым пополз во все щели летника, проникая, расползался по жилищу. Проснувшись от звуков с улицы, струй дыма, заползавших в дом, Айзик, присев на лежанке, посмотрела на Ыкылака, спавшего рядом. Всю ночь он допивал оставшуюся огненную воду, пустая бутылка от нее валялась под ним на полу. Выйдя в дверь, Айзик увидела шаманку. Та, стуча в бубен, камлала, кружилась вокруг жилища. Неподалеку на бревне сидело несколько мужчин и юношей, Лидык, собирая солому и ветки, бросала их в дымящиеся костры. Посмотрев на пьяного Ыкылака, Айзик подняла лежавшее рядом с ним ружье, вынесла его из летника, передала шаманке. Чамук, приняв ружье, подошла к костру, бросила в него огненную палку-копье Ыкылака. Приклад на ружье охватило пламя, он быстро разгорелся, пламя, вырываясь снизу из-под веток, облизывая железо, поползло вверх. Шаманка в сопровождении Айзик вошла в жилище, к двери за ней последовала стая собак. Усевшись напротив входа в жилище, собаки принялись выть. Шаманка достала нож, вошла в жилище. Слыша вой собак, Ыкылак проснулся, сел на лежанке, увидев шаманку Чамук, слегка насторожился.

Чамук, пройдя в середину жилища, начала полосовать, резать ножом воздух, пугала невидимых глазу духов:

– Прочь, нечисть! Бесы, бегите из моего селения! Вокруг тебя было много демонов. Половина сбегала, оставшиеся попрятались в щели. И твоя злая душа прячется. Ты демон в теле родича! Демон, покинь наши земли, уйди отсюда, иначе я начну войну с тобой!

– А что ты можешь?

– Я имею четыре души. От горы, от моря, от неба, от подземного мира. Я вернула к жизни моих родичей. Они возвращаются, думают только о тебе, о твоей кончине. Я могу объединять много душ в одну. Слушай.

Несколько собак за деревянной стеной продолжали одновременно выть. Осмотревшись и не найдя ружья, Ыкылак вышел в дверь, посмотрел на костер. Его лицо потемнело, начало каменеть от злости.

Шаманка продолжала грозить Ыкылаку:

– Внутри тебя я загнала духов. Помощница женщина – дух зашла в твою жену, помощник мужчина – дух – в тебя, он изгрызет тебя болезнями. Уходи с нашей земли, тогда они выйдут из вас, останутся здесь, на своей земле. Ты иди в мир уйльта, белых существ, там тебе место.

Шаманка вышла, не закрыв дверь; Ыкылак, встав в дверном проеме, наблюдал, как несколько собак, задрав головы, продолжали выть. Сидя вокруг его жилища, селяне долго следили за ним и его женой, ожидая, что произойдет дальше. К вечеру они разошлись, но собаки продолжали кружить вокруг летника, выть так, словно они были обижены семьей Ыкылака. Дождавшись темноты, Ыкылак вышел из жилища, обернувшись с порога, грубо обратился к жене:

– Собирайтесь, с утра рано выезжаем. Навсегда.

Выйдя среди ночи на берег, Ыкылак вытащил из мешка отравленное мясо, раскидал его кружившим, воющим в темноте собакам. Направляясь к шаманке, он подобрался к клетке с медвежонком, бросил и ему порцию смертельного мяса. Пробираясь через жидкий туман, Ыкылак вернулся в жилище, проверив, собрались ли жена и дети, прилег, закрыв глаза. Не позволив себе

заснуть, дождался рассвета, вывел семью на побережье, стеганул оленей. Медленно рассеиваясь, туман уползал в сторону леса. Глядя на остатки тумана, опережая рассвет, Ыкылык направился к летнику шаманки. Войдя в летник, он ударил гарпуном спящую Чамук, насквозь пробив ее грудь, оставил гарпун торчащим из спины. Моментально скрывшись, перебегая от летника к летнику, Ыкылак догнал семью, ждавшую его вдали от селения, у устья реки.

Жена Напуина, часто по утрам бродившая по берегу, заметив уходящую из селения семью, наблюдала за ними. Встав под деревом на краю селения, она видела, как Ыкылак подбежал к жене с детьми, сидевшими на оленях. Девочки – близнецы сидели на переднем из них. Подхватив веревку на его рогах, Ыкылак быстро потянул его вперед. Жена Айзик, поправив аркан второго оленя и последний раз глянув на селение, погнала своего рогатого друга. Ыкылак с семьей уходили по берегу моря; жена Напуина, стоя под деревом, проклинала Ыкылака, бросая вслед ему свою злость и обиды. Когда они скрылись из виду, она вернулась к селению, подошла к хижине шаманки, где собирались родичи. Чамук доживала последние минуты, Лидык, рыдая, сидела над ней. Чамук оставляла наставления окружившим ее женщинам, мужчинам и, похрипывая, из последних сил говорила, как надо ее хоронить:

– Хотя я умру, но три года на этой земле буду жить. Пойду в селение мертвых, а моя лохматая сучка, находясь в селении, будет жить. Когда умру, тело не сжигайте, лиственницу срубите, расколите, сделайте плахи. Эти плахи принесите сюда, из них сделайте клетку. Из инау сделайте постель, положите меня лицом в сторону восхода солнца. На голову наденьте шапку из инау, сверху накройте инау, сверху закройте клетку плахами. Чтобы я не поднялась, сверху клетки по сторонам вбейте колья, веревками перевяжите, чтобы укрепить крышу. Четыре елочки воткните у углов клетки, снаружи положите бубен, побрякушки.

Лидык, прощаясь с матерью, держала ее за обе руки, лежавшие на груди. Закончив наставления по обращению со своим телом и душой, шаманка перешла к завещанию относительно будущего дочери.

– Лидык не хочет быть шаманом, всё Инаукуна видит им. Шаманом станешь не по желанию, наоборот. Не шаман избирает духа-покровителя, а дух избирает шамана. Мои предки были шаманами. По закону природы, как она подрастет, это проснется в ней, она станет шаманом. Во сне явится дух-покровитель, прикажет ей стать шаманом, даст наставление и помощь. Пусть духи-покровители моих предков, мои покровители, помощники придут к моей дочери.

Селяне грустили, глядя в свой завтрашний день. До взросления Лидык оставалось много дней, всё это время они должны жить без своего защитника. Без того, кто поправляет их здоровье, защищает, словно охранник и воин, изгоняет душевные горести, болезни ума, воюет со злыми духами, всемерными захватчиками их многомерного бытия. Реальный бедный мир нивхов казался пустой, дикой планетой, но они имели необъятную вселенную внутреннего мира, бывшего их суперреальностью. Шаман – главный технолог их общества – умел находить связь между ними и небом, богами, всей вселенной.

18

Остров с покоившимися под камнями в могильнике охотниками всё еще пребывал в тумане, на берегу рядом с ними догорал костер. Инаукун, приготовив стрелы, привязал на все их концы поперечные палочки и ветошь. Решив разогнать туман, поднес острием к костру пару стрел, намотанная на них ветошь сразу загорелась. Инаукун приподнял лук кверху и отправил горящие стрелы в туманное небо, тем угрожая духу тумана:

– Уходи. Расчисти небо. Не мешай искать дорогу домой.

Постояв некоторое время над камнями, мальчик попрощался с родичами, побрел по берегу моря, растворился в тумане. Ноги Инаукуна заплетались, он спотыкался, много раз падал, распластавшись на песке, смотрел вперед на туман и кромку моря. Вдруг из тумана выплыла лодка, в которой пребывали духи пилана Койвуна, отца Чалуна, дяди Палгуна, Напуина, Лонгуна. За их спинами стояли другие погибшие родичи, которых он не мог вспомнить. Мертвецы были мокрые, покрытые водорослями, морской живностью. Из темноты за их спинами показался улыбающийся Ыкылак; наведя на Инаукуна огненную палку, он выпустил огненных птиц.

От грома огненных птиц Инаукун сразу очнулся от приступа бессознательного сна и пришел в себя. Встав, долго брел вдоль кромки моря, качаясь из стороны в сторону. С трудом двигаясь по берегу, он заметил впереди слабый огонь, из последних сил побежал вперед, остановился у разрушенной Чалуном лодки. Костер едва дымился. Груда камней с телами родичей через мгновение отрезвила мальчика. Обессиленный ужасом своей ситуации, Инаукун упал на землю. Лежа на земле, мальчик продолжал блуждать в своих хаотических галлюцинациях. Скоро под ногами у него оказались собачьи трупы, Инаукун, перешагнув через них, наткнулся на стаю собак, поедавших в темноте чьи-то тела. Видя Инаукуна, собаки разбежались. Сделав несколько шагов, он оказался над лежащими обглоданными телами шаманки Чамук и ее дочери Лидык.

Еще не выбравшись из сна, Инаукун слышал свои стоны, болезненное крикание, которые он проживал в другом мире. Открыв глаза, восстановившиеся следом за слухом, он с трудом передвинулся со спины на бок. Лежа на боку, смотрел на медленно рассеивавшийся туман, уступавший место рассвету. Проводив туман, Инаукун смотрел на повисшие вдоль горизонта тусклое солнце и бледную луну. Не теряя времени, ползая по берегу, Инаукун собирал для себя камни. Приносил, складывал вплотную к временной каменной гробнице отца. Сложив свое каменное убежище, забрался в него ногами вперед, закрыл небольшими камнями пространство на груди. Приподняв двумя руками плоский камень, закрывающий последнюю щель над грудью, остановил взор на каменной скале, тихо попросил ее:

– Дух острова, дух горы, не умею вас не любить, сильно уважаю вас, сильно вам близок душой, прошу беречь души моих отцов, братьев. Когда однажды отправитесь к большой земле, станете ее частью, заберите наши тела, не бросайте, не оставляете морю. Отдайте их нашим родичам.

Инаукун, обложенный камнями, смотрел на блеклое солнце. Достал из-за пазухи свой амулет – связанные веревочкой символические луну и солнце. Разглядывая родное, семейное – амулет от старейшины пилана, чувствовал себя другим человеком. Подносил амулет близко к глазам, отдалял. Учащенно моргал глазами, удивляясь способности так полноценно видеть. Подняв амулет вверх к небу, поместил крошечное утреннее солнце в середину своей святыни. Глядя на истинное солнце, зашедшее в середину амулета, попросил его: – Прошу тебя, не уходи, живи в моем амулете.

Прощаясь в душе с Лидык, он вспоминал все дни, проведенные вместе с ней. Готовясь уйти в тонкий мир, думал о ее будущем. Кончился мой путь, пусть стократ больше добра небо отдаст любимой. Умирая, каждый желает счастья любимому человеку.

Инаукун вспомнил слова ее матери, что она всё равно пойдет в шаманы, став взрослой девушкой. Такова их традиция, согласно которой она унаследует дело всех своих предков. Он представил ритуал ее становления шаманом вместо матери. Для нее свалят ель, со стороны восхода солнца на ней сделают

заметку. Принесут на место ритуалов, воткнут в землю, повернут меткой в сторону восхода солнца. Дерево будет именоваться как шаманское – *ч'ун"ч'х"ар*. Четыре ветви на нем оставят целыми, настругают длинные инау, привязав к этим ветвям. Эти ветви – ее руки. Существующие духи – помощники шамана на этих ветвях будут сидеть и отдыхать. Отрезав по два прута ольхи, рябины, клена, тальника, черемухи, воткнут вокруг этого дерева. Установив дерево, изготовят бубен, пояс с побрякушками, шаман с этим должен будет начать петь. Пение разбудит внутренние сказания, проснутся воображения Лидык, они сутками будут муржить ее. Превращаясь в шамана, она надолго перестанет есть, мучаясь душой.

Инаукун, устав фантазировать о будущем Лидык, подумал о тупике своей жизни, точке, к которой он пришел на своем пути. Он не знал, что ошибался, видя себя навсегда лежащим под камнями с родичами.

Преодолевая море, братья нивхи приблизились на расстояние вытянутой руки от хозяина моря. Упорно гребя веслами, они следили за небом, высматривая сову. Она часто появлялась в небе, дав круг, улетала вперед, обозначая направление пути. Устав от перелета без передышки, подлетов, села на нос лодки. Некоторое время посидев, взлетела и устремилась вперед, слегка поворачивая вправо. Родичи Инаукуна, внимательно наблюдавшие за ней, перекинувшись парой фраз, взяли курс движения соответственно ее полету.

Путая свои сны-видения с реальностью, Инаукун после порывов свежего ветра ненадолго приходил в себя. Осознав, кто он, где он, Инаукун наблюдал за скалой, небом над ней, слушал животрепещущее море.

Ветер атаковал скалу, под которой он остывал, принялся раздвигать перья прилетевшей совы Чамук, которая, сложив крылья, села на скалу позади Инаукуна. Сова смотрела вниз, где расплзалась утренняя дымка, отдыхали камни острова, лежал мальчик. Птица озиралась, ожидая прибытия своих людей, а Инаукун что-то шептал, едва шевеля губами.

Слегка повернув голову, мальчик вдруг увидел сову, узнав ее, заулыбался, успокоился. Первый раз за последние дни Инаукун расслабился, успокоился, и отключившиеся нервы уволокли его в пространство сна, где больше не было видений, злых и добрых духов.

В этот миг обратная сторона острова жила своей жизнью. Из моря на берег выползло стадо тюленей, не спеша расположилось на песке. Молодые тюлени, толкаясь, рыскали по берегу, искали новые впечатления, рассматривали молодых подружек, а старые, расположившись под солнцем, грели жирные бока. Волны, набегая на берег, едва задевали хвост лежащей на песке главной нерпы, подружки вожака. Закрыв глаза, она наслаждалась солнцем, морем, землями, по которым кочевала. На этих землях она родилась, счастливо жила, рождала своих инаукунов, должна была уйти в тонкий мир за своими предками. Еще вчера она находилась на большом острове Сахалин – родной земле Инаукуна, которую он боялся потерять. Гигантский остров Сахалин – сердце Инаукуна, жил на воде среди разных морей, и словно близнец был похож на гигантскую нерпу, лежавшую на песке неподалеку от мальчика из рода нивхов.

Р. С. Перепись населения острова Сахалин, Приамурья в 2017 году зафиксировала, что численность населения исчезающего народа нивху составила всего четыре тысячи пятьсот один человек.

